

Археологи, изучающие следы исчезнувших укладов жизни, больше всего ценной информации извлекают из древних свалок и помоек. Мусор, когда-то пренебрежительно выброшенный, с течением веков становится свидетелем и рассказчиком – правдивым, потому что непреднамеренным.

В каждом историческом городе есть районы, которые воспринимаются мусором. Клоповники, крысятники, помойки, ветхое и аварийное жилье... Вот как раз они-то и способны поведать о прошлом города ту непреднамеренную правду, которую зачастую не в силах сохранить ни мумифицированные музейные экспонаты, ни тем более современные застройки «не хуже, чем у всех».

Можно понять желание сторонников прогресса – сделать из своего города «маленький Нью-Йорк» или, на худой конец, «маленький Мюнхен». Стандартизированный, гарантированный комфорт не вызывает сомнений. От Парижа до Шанхая образ жизни отеля «Хилтон» однозначно воспринимается в качестве идеала и образца для подражания. Город – пятизвездочный отель, кто же не захочет в таком поселиться?

Но, преодолевая старый мусор ветхих кварталов, легко можно преодолеть и свою уникальную идентичность. Кто мы, жители «маленького Нью-Йорка»? Маленькие американцы? И зачем мы такие, если уже есть «большие», настоящие жители «Большого Яблока»? Кому нужны бледные копии, если существуют мощные оригиналы? Прежде чем будут окончательно уничтожены градостроительный трэш, ереванский Конд или иркутские деревянные кварталы, хорошо бы задать себе эти непростые вопросы.

Ереван: Конд как ресурс наследия Этюды о духе места. Часть 1

текст
Андрей Иванов

Вике, Люсе и Сурику, гулявшим со мной по Северному проспекту майской ночью 2011 года

1. Первый вариант статьи (Северный проспект ведет в Конд. Этюды о духе места) опубликован на портале Archi.ru: http://agency.archi.ru/news_current.html?nid=37058; http://agency.archi.ru/news_current.html?nid=37059.

2. Королев А. Genius loci. М. : РА Арсис-Дизайн, 2011. С. 60.

3. Гачев Г. Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. С. 402, 408.

4. Проспект строился под патронажем тогдашнего президента Армении Р. Кочаряна; автор планировочного решения и проектов большинства зданий – архитектор Н. Саркисян, главный архитектор Еревана в 1999–2004 годы и с мая 2011-го.

...Наполеон заметил: «Сад (у Каира) был полон прекраснейших деревьев, но в нем не было ни одной аллеи». В этой реплике весь дух его утопии. Вся его жизнь до падения – это, по сути, прямая аллея сквозь чащу истории, штурм законов причинности, осада рая...

Анатолий Королев²

Подкорка Еревана

Маленькая Армения сперва – по глупости или неведению – кажется обозримой. Ее компактная и уютная по сравнению с Москвой столица – понятной. Но чуть прильнешь, заглянешь в отворяемые тебе двери, копнешь вглубь – и под видимой каменной оболочкой («корой») страны и города раскрывается подкорка – слои смыслов. Сильные и слабые... Толстые до орого-

вения и тонкие до прозрачности... Горизонтальные и наклонные... «Кольцевые» и вертикальные... Спящие и пульсирующие жизнью... Забытые и вновь придуманные... Проявляется мир, образ которого вскрыт одним армянским художником. Но об этом – в конце статьи.

И оказывается: прочный с виду каменный покров Армении – уязвим, тонок, как лаваш. А под ним – еще и еще покровы.

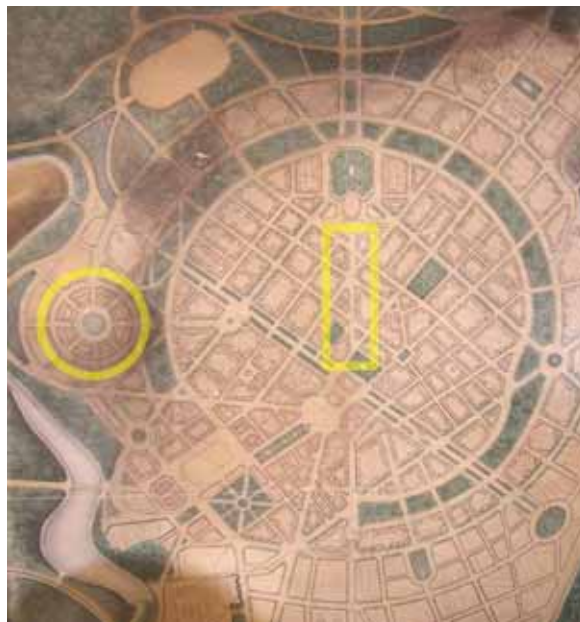
Ереван – тонкокож, многослоен... Торт «Наполеон» с открытыми боками...

Об этой глубине «тела» Армении писал Георгий Гачев:

«...Небо, и солнце, и воздух, плененные в кожу граната, стали изнутри кожу земли высветлять, откуда и розовость армянского туфа и полотен Сарьяна...»; «Так называемые приметы современности: город, асфальт, дома, одежды, машины ...проходны. Важно, что из-под них в их оболочке то же древнее сивиллино тело, как вон та старуха, улыбающаяся в пролетке, долго покачивается и улыбается весной, солнечно и молодо озарена...»³

> Рис. 1. Северный проспект (в центре) и Конд (слева) на генеральном плане Еревана (арх. А. Таманян, 1924). Источник Музей истории Еревана

> Рис. 2. Северный проспект, летний вечер. 2011 год. Фото автора

^ Рис. 3. Северный проспект упирается сегодня в вернакулярную застройку квартала между улицами Абовяна, Арами, Налбандяна и Пушкина. Данная территория объявлена зоной приоритетных государственных интересов. Собственность отчуждена. Вероятность сохранения этого уголка старого Еревана очень мала... Фото автора, 2011

С города нельзя, как в самые счастливые минуты с женщины, снять последний покров, обнажив – пусть – ее суть, ее душу. Душа города всегда в чем-то спрятана. Но чуть подсмотреть, приоткрыть – где один «лепесток», где несколько, где случайным попаданием в резонанс, где усилием мысли, где интуицией – иногда получается. Вдруг повезет?

Улицы вопросов

Поводом к этому тексту стало знакомство с новой центральной улицей Еревана, Северным проспектом (далее СП). Он строится с 2004 года, открыт в 2007-м и, как утверждают его авторы⁴, является реализацией одной из идей генерального плана города, выполненного Александром Таманяном в начале 1920-х, по которому диагональный прорыв в прямоугольной уличной сетке должен был соединять главные здания города – Дом правительства и Народный дом (будущую Оперу)⁵. Случай, пожалуй, довольно редкий в истории градостроительства – как пример невероятной живучести планировочного замысла.

Но это и просто значимая, существенная инновация в среде и актуальной жизни большого города, по сути, города-страны, сравнимая с появлением Нового Арбата в Москве 60-х, который был так же прорублен волей властителей и архитекторов в живой городской ткани. Интересен он и потому, что ни в одном городе бывшего Союза (кроме разве что Астаны) не создано в постсоветское время столь значительного общественного пространства.

Исходя из «внешнего», материального слоя среды проспекта – вполне можно анализировать достоинства и недостатки получившегося. Обозначить СП как градостроительный комплекс или ансамбль, рассмотреть в привычном жанре «проект и реализацию». Но по мере погружения в тему такой подход оказывается недостаточным: вскрываются более глубокие, невидимые поначалу проблемные пласты, вопросы (research questions) – закрытые пока уличные двери, ответить на которые, может, и не удастся, но не задать нельзя.

– Сколько каменных – точнее «памятных» – кож у

< Рис. 4. Дом на углу улиц Абовяна и Арами (на фото справа – адрес Арами, 30) так естествен, что почти незаметен. Не памятник. Но таких живых, полноценно функционирующих, аутентичных исторических зданий в Ереване осталось уже СЛИШКОМ МАЛО. В конце ноября 2011 года был обнесен строительным забором, что в Ереване означает скорый снос. Молодежь города при поддержке нескольких НПО встала на защиту этого здания. Фото автора, 2011

Еревана? Что под ними – в подпорке города (если камни – кора)? Кто и что – держатели, выразители этого городского «подсознания»? Или оно существует только в воображении тех немногих людей, кто размышляет сегодня о ереванском духе, вот теперь еще – и в моем?

– Возможен ли средовой «палимпсест» в городе, активно развивающемся всего лишь менее века? Где уже сложился обычай каждым новым слоем – всегда более «сильным», тяжелым – подавлять, замуровывать, замещать слабые старье. Вместе со связанными с ними традициями городской жизни и, может быть, ее героями?

– Насколько был ценен (и для кого может быть ценен сейчас) тот «пыльный русско-персидский городишко», каковым (совершенно в русле советской пропаганды) воспринимают большинство местных жителей дореволюционный Ереван, стоявший на месте таманяновского, а теперь и посттаманяновского? Неужели настолько слаб был тот позднеимперский город, что смести его с лица земли не представлялось проблемой? Почему почти 30-тысячное население дореволюционной Эривани кажется нынешним горожанам до смешного малым? Но город такого размера в Российской империи был вовсе не мал⁶. И уж конечно, обладал собственной средой, собственным духом места. Что с ним?

– Насколько глубока «городская средовая амнезия» ереванцев, вроде бы так ценящих историю своей страны, своего народа и так пренебрегающих историей своего города? В чем ее причины?⁷

– Действует ли еще и как именно слабая сила прото-слоев города – того, что здесь было раньше: жилищ, дворики, урочищ «аборигенов», вроде бы «до конца» уничтожаемых на наших глазах (советских клоповников, староереванской застройки конца XIX – начала XX века, а может и более ранней)?

– Что будет с Ереваном, если смести все последние остатки старого города (Конд, Козерн, внутриквартальные анклавы дотаманяновской застройки) и на этих местах построить новые жилые ну не массивы – ком-

5. Правда, сегодня южный конец СП «косит» не на проектировавшийся Таманяном барабан Дома правительства 60-метровой высоты, так и не построенный, а на появившийся позднее «зигкурат» музейного здания. Упирается же он пока в историческую застройку начала ул. Абовяна, оказавшуюся таким образом под угрозой уничтожения.

6. В 1897 году Эривань с его 29 006 жителями превосходил по численности населения такие видные губернские и областные центры империи, как Владимир (28 479), Чернигов (27 716), Вологда (27 705), Красноярск (26 699), Новгород (25 736), Вятка (нынешний Киров, 25 008), Верный (нынешняя Алма-Ата или Алматы, 22 744), Архангельск (20 882), Новороссийск (16 897), Хабаровск (14 971).

7. «...Нанесенные народу травмы были столь многочисленны и велики, что это породило амнезию, своего рода «зоны нечувствительности» в отношении прошлого и даже настоящего...» – считает, например, Карен Агикян (Дом и фасад. Разговор с Александром Топчяном (Ереван, РА) // Анив. 2007. № 6 // <http://aniv.ru/view.php?num=15&st=5>). О «коллективной амнезии» ереванцев в отношении «гори-

^ Рис. 5. Городище Эребуни. Археологические раскопки культурного слоя VII в. до н. э. на холме Аринберд под руководством археолога Ашота Пилипосяна. Фото автора, 2011

^ Рис. 6. Церковь Катогики (XIII в.). Фото автора, 2011

зонгального» среднего наследия 1960-х пишет и Рубен Аревшатян (Arevshatyan R. Blank Zones in Collective Memory or the Transformation of Yerevan's Urban Space in the 60s // Red Thread. Issue 2 (2010) // <http://www.red-thread.org/en/article.asp?a=33>).

8. Рабис (от «рабочее искусство») – направление в современной армянской музыке, интегрирующее элементы народных и бардовских песен, шансона, восточные мотивы и т. д. Рост популярности рабиса приводит к тому, что этот жанр проникает в различные сферы жизни: можно одеваться, обустроить быт, вести себя «как рабис», иначе говоря, быть «рабисом».

9. <http://maxamen.livejournal.com/45018.html>.

10. Не стоит, впрочем, забывать о сейсмоопасности. См.: Выход есть, и власти в состоянии безотлагательно приступить к решению сейсмостойкости городской застройки, считают участники круглого стола «ГА» // Голос Армении. 15 сентября. 2011. № 96 (20169) // <http://golosarmeni.am/ru/20169/society/13377/>

плексы? Что даст городу полная и окончательная победа над историческими «трусобами» (при том, что советские трусобы на периферии останутся еще надолго)?

– В чем идентичность сегодняшнего Еревана? Советское отбросили легко. До этого так же легко отбросили персидское и тюркское или, как говорят в Баку, азербайджанское. Что осталось? И какую именно идентичность укрепляет или создает то новое, что появляется сегодня?

– Не ведет ли XXI век в Ереване, как и во многих других столицах и крупных городах бывшего СССР (Баку, Тбилиси, Ташкент, Одесса, Львов и т. д.) к своего рода дезурбанизации городской среды (при всем внешнем урбанизме СП и подобных ему новообразованиях)? Вместо продуцирования образцов городской культуры – инфизицирование, с одной стороны, глобализованными штампами, с другой – стереотипами сельско-деревенской, периферийной культуры (рабис⁸). Возможно, в мононациональном городе этот процесс идет несколько иначе? Здесь хотя бы не нужно «национализировать» город. Но наиболее динамичные, продвинутые горожане все так же уезжают, а на их место приходят «недогорожане»... те, кому нравится глобальное «мыло»... и архитектура СП?

– И вообще, стоит ли рассуждать о духе такого города, который сам об этом не очень-то рассуждает? «Наугулить» на запросы «Ереван – дух места», «Ереван – душа города» не удалось почти ничего. Среди первой десятки ссылок об этом – только один ответ по сути (да и там – всего лишь милая подборка фотографий ереванских питьевых фонтанчиков⁹), тогда как о наличии или отсутствии души в различных городских гостиницах находок было куда больше...

А в результате размышлений обо всех этих вопросах хорошо бы ответить на вопрос стратегический: какой тип урбанизма подходит Еревану больше всего, какие подходы к планированию, развитию, сохранению наследия наиболее соответствуют характеру, духу этого города?

И на вопросы практические: что нужно сделать,

чтобы приостановить процесс разрушения исторического города, спасти и возродить остатки старого Еревана, обеспечить уместность, историкосообразность новых проектов?

Для приближения к ответам рассмотрим несколько локальных средовых сюжетов.

Город земли, проспект воздуха?

Ереван – город земли. Вырос из нее и крепко на ней стоит¹⁰. Это увидел Николай I, назвавший Эриванскую крепость «глиняным горшком», почувствовал Мандельштам (стихотворение «Армения»):

*Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе еще?
Скорей глаза сощури,
Как близорукий шах
над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин,
над книжною землей,
Над знойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.*

Понимал Гачев: «Легко владеют грузины землей, раскрепощены, вырвались на простор. А у армян – земля ими владеет, как суть и нутро»¹¹.

А вот СП – из земли ли, несмотря на его преимущественно «глиняную» цветовую гамму? Не воздушный ли замок, не мыльный ли пузырь? И если так, то это вовсе небезобидный пузырь. При продолжении тренда СП-зации среды он и свою планировочную «цель» – такую устойчивую, прочно стоящую на земле Оперу – может превратить в мыльную оперу.

СП – случай, когда город, перестав вырастать из земли (буквально – как Эриванская крепость или сегодняшний Конд, или фигурально – из туфа как «старый Ереван» или армянско-сталинский ампир), но, устремившись высотками из «никуда» (из места, понятого авторами как пустое) в небо ли? – в никуда! – теряет себя. СП еще предстоит врасти в ереванскую землю. В том числе корнями деревьев, которые рано или поздно обязательно будут здесь посажены.

< Рис. 7. Минарет Гей-мечети (1760–1768) и окружающая застройка. Фото автора, 2011

^ Рис. 8. Дома братьев Мнацакянов (XIX век) на ул. Кохбацци и новая застройка ул. Бузанда. Фото автора, 2011

Слоистый город

Карен Бальян, сравнивая Ереван с Москвой, почему-то отвергает историческую многослойность армянской столицы: «Москва ... это множество исторических слоев, смешавших одно-, двухэтажную застройку и гигантские здания, древность – в виде шедевров Кремля и современность – в виде шедевров конструктивизма... Совершенно другой город – Ереван. Ереван – то, что определяло его облик, т. е. город до 1980-х годов, – это хрупкая поверхность фасадов с ровными карнизами, строгими порталами, изящными сандриками, всякое прикосновение к которым требует осторожности и такта. Бесконечное украшение, повсеместное напоминание о красоте. От ереванских фасадов шли тепло, спокойствие, мудрость»¹².

Даже при сегодняшнем состоянии ереванской архитектуры (см. п. 8) для меня это очевидное упрощение. Ереван гетерогенен. «Наполеон» древне-нового города сложен, по крайней мере, из восьми археологически-архитектурных «коржей».

1. Урартский слой

Крепость и город Эребуни.

2. Средневековый армянский слой

Церковь Катоги XII–XIII века на ул. Абовяна, закопанные раскопки на пл. Республики, другие церкви, восстановленные после землетрясения 1679 года в древнеармянских формах.

3. «Персидский» и «тюркский» слои

Гей-мечеть, дома со стрельчатыми арками и остатки персидской мечети в Конде (а ведь совсем недавно – уже в 2000-х – в Ереване было снесено несколько малых мечетей¹³).

4. Имперский слой («кавказский ампи́р»)

Сохранившаяся застройка исторического центра города конца XIX – начала XX века («черные дома»).

5. Слой самоорганизационной, вернакулярной застройки разных времен

Отдельные дворики ереванского центра, спрятанные за фасадами «кавказского ампира» (ул. Абовяна, 1, Пушкина, 4–6, и т. д.), внутриквартальные миры (кварталы центра обстраивались по периметру при сохранении старой сердцевины. План Таманяна реализовывался примерно как екатерининские планы русских исторических городов: негодная застройка не сносила все сразу, но вымораживалась постепенно... Но тут жизнь что-то не захотела сворачиваться, сходить на нет. И продолжается до сих пор), среда Конда, Козерна, Канакера, Норагюха...

6. Слой 1920–50-х годов

Конструктивизм (его немного, но внятно видим даже в центре); армянский сталинский стиль. Проспект Баграмяна – «выставка» лучших его образцов.

7. Слой 1960–80-х годов

Ул. Саят-Нова, кафе «Поплавок», широкие тротуары ул. Абовяна, выходы из центральных станций метро,

11. Гачев Г. Указ. соч. С. 410.

12. Бальян К. Ереван. Фрагменты // Голос Армении. 2009. 26 дек. № 142.

13. См.: <http://www.facebook.com/pages/Old-Yerevan-Gone-But-Not-Forgotten/358361197046>

14. Любопытную трактовку ереванских зданий советского модернизма предложил Вардан Ялоян: по его мнению, такие здания, как снесенный в 2000-е годы Дворец молодежи, кинотеатр «Россия», гостиница «Двин» и т. д., воспринимались в городском ландшафте как своего рода «отражения» западного современного искусства и проявления «коммунистическо-капиталистической конвергенции» (Yaloyan V. New Political Subjects in Armenia and March 1 Event // Red Thread. 2009. № 1. P. 34 // <http://www.red-thread.org/en/article.asp?a=17>).

< Рис. 9. Район Козерна. Панорама застройки. Фото автора, 2011

< Рис. 10. Жилой двор на пр. Баграмяна. Фото автора, 2011

^ Рис. 11. Кинотеатр «Россия» – ныне торговый центр Rossiya Mall (арх. А. Тарханян, Г. Погосян, С.Хачикян, 1975). Фото автора, 2011

^ Рис. 12. Новый жилой комплекс на ул. Арами. Вид с ул. Сарьяна. Фото автора, 2011

15. Open Source Urbanism. An op-ed from New York by Saskia Sassen // domus, June 29, 2011 // <http://www.domusweb.it/en/op-ed/open-source-urbanism/>.

16. Серто М. де. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 121.

17. Серто М. де. Призраки в городе. С. 113.

18. Арутюнян В. М., Асратян М. М., Меликян А. А. Ереван. М.: Стройиздат, 1968. С. 22.

19. Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умастить, отблагодарить»: дискурсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // Laboratorium / 2010. № 1. С. 69.

20. Серто М. де. По городу пешком // Communitas / Сообщество. 2005. № 2. С. 80 // http://ecsocman.edu.ru/data/259/440/1218/6-Communitas_2_2005_Certeau.pdf.

21. Так «ташкентские русские» говорят: «Старый город? Мы туда не ходим. А зачем?» (Космарский А. Москвич в Ташкенте, или Опыт освоения «восточного» города: власть, повседневность, сакральное // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 40).

кинотеатр «Россия»... Плюс типовые бетонные и туфовые многоэтажки, засилье которых в центре незаметно с земли, но очевидно с верхних точек зрения.

Интересно, однако, что при мощных советских архитектурных слоях в сегодняшнем Ереване нет ощущения «советскости» жизни¹⁴...

8. Постсоветский слой

Как правило, «глобалистские» здания (иногда с декоративными армянскими мотивами), часто спроектированные методом сору/paste. Среда финансовых инвестиций и потребления, понтов и гламура.

Доминируют три последних. Три первые эфемерны. И вот четвертый и пятый – срединные – слои оказываются очень важными – это зримый материальный прорыв в прошлое города, ключевое звено в поддержании средовой, жизненной преемственности. Вот почему их необходимо сохранять.

КТО делает город?

Это вечный, философский вопрос урбанизма. Президенты, мэры, строительные компании, девелоперы, национальные герои (Таманян), главные архитекторы (от Н. Буниатова до Н. Саркисяна), просто архитекторы... или сами жители, из «малых» вкладов которых и складывается городская жизнь и среда?

Саския Сассен пишет о «разных способах, которыми город «разговаривает с собой», реализуя принципы открытого урбанизма (урбанизма, открытого для различных источников или субъектов воздействия. – А. И.): город как сделанный, в том числе в результате суммирования множества маленьких интервенций и изменений «снизу». Каждое из этих многочисленных мелких вмешательств может выглядеть совсем незначительным, но вместе они добавляют смысл в понятие незавершенности города и показывают, что именно эта незавершенность позволяет городам жить долго, тем самым превосходя влияние других, более могущественных существ¹⁵.

Понятно, что нынче бал правят Большие и Сильные Существа. Они и создали СП (под флагом реализации Большой Идеи другого Героя – Таманяна). Малым и

слабым в сегодняшнем городе почти нет места – он строится сверху вниз. Так было и в 30–50-е. Но тогда все смягчалось «ручной» проработкой проектов и рукодельным их воплощением (детали). Сегодня же вместо этого – «пластиковые» здания, проектируемые методом сору/past + размер (больше площадей – больше дохода).

А существует еще и давление внеархитектурных факторов: «...великие нарративы телевидения или рекламы затаптывают или еще больше атомизируют маленькие нарративы улиц и кварталов»¹⁶.

Но должен ли этот сегодняшний расклад сил переноситься на отношение к прошлому города?

Подминать, сметать все, созданное субъектами малыши? Не полезнее ли признать за этими малыми существами-субъектами – хотя бы в прошлом – право на свои (а в итоге-то городские) ценности, а за созданным таким образом городом – его остатками – ценность, сравнимую с ценностями Большого (Героя / Идеи / Города-утопии)? Это ценность обжитой, но уходящей повседневности... Но не ушедшей: существуют же еще уютные малые дворики в самом центре, в Конде, во многих других местах. С деревянным галерейками. Виноградными перголами. Домашней мебелью, вынесенной вовне... Ведь эти так называемые клоповники обладают очень важными городскими качествами, которых нет и скорее всего никогда не будет у монологических продуктов «Большого», таких как СП. Теплотой. Естественностью. Многопоколенной обжитостью. Патиной. Рукотворностью. Душой. Именно там, как пишет все тот же де Серто, вместилище и хранилище духов города:

«Если великие древние боги мертвы, то «меньшие» – божки лесов и жилищ – пережили все потрясения истории; они по-прежнему кишат рядом с нами, они преобразуют наши улицы в леса, а наши дома в заколдованные замки; они простираются и за догматически установленные границы воображаемого «национального наследия»; они владеют местом, даже если мы считаем, что заперли их, забили досками, опечатали и положили под стекло в богадельнях для народных искусств и традиций»¹⁷.

^ Рис. 13. Дворик на ул. Абовяна, 1. Фото автора, 2011

^ Рис. 14. Рынок близ ул. Бузанда и собор Св. Григория Просветителя (2001). Фото автора, 2011

Будки – одно из немногих армянских слов, которые я пока запомнил, – тоже проявление этой стихийной деятельности малых субъектов по обустройству городской среды – «низовому» градоустройству. Жаль, что сегодня – почти единственно для них возможное.

Историческая память города: высокое – низкое – срединное

Есть Высокая История (город «на 29 лет старше Рима»; древняя «собственная» Церковь, Язык / Алфавит / Рукописи / Матенадаран, Страна От Моря До Моря, Геноцид...). Есть «низкая» – верблюды на пыльном базаре, «клоповники-крысятники» – «позор Еревана»... И есть, наверное, зависимость нации от этой «Высокой Истории» и гордость именно ею? И только ею?

Так, в сознании ереванских интеллигентов нация делится на «настоящих» и «ненастоящих» ее представителей (последние некультурны, не знают родной истории, непривычны к городской жизни и т. д.). Но армяне-то и те, и другие... И вот «настоящих», интеллигентных армян заменяют «новые», понаехавшие, «рабисы». А традиция поляризации – живет... СП – для новых, богатых, актуальных, трендовых, модных... Конд – для аутсайдеров, бедноты, «прокаженных», как представился мне тамошний продавец груш? А ведь там когда-то жили богатые купцы, знатные горожане – мелики¹⁸...

Где сегодня «среднее», «срединное» в Ереване? «Доступ к субъектной экономической активности получают лишь способные дать взятку, то есть богатые. Такое положение дел усиливает социальную поляризацию, не давая никаких шансов для зарождения среднего слоя. Классы воспроизводят себя»¹⁹.

СП, сделанный для богатых, усилил средовую поляризацию. Здесь можно соприкоснуться с VIP-миром, и, наверное, за это любят его тусящие там подростки. Но можно ли войти в этот мир через СП? Ведет ли он куда-нибудь не в пространственном – в социальном смысле?

Ну да, Ереван не Рим, в нем вовсе не так очевидны, мощны и равноправны различные исторические пласты; но и – столь же объективно – не Нью-Йорк, который, по мнению де Серто, тоже «не Рим: он так и не овладел искусством стареть, играя своими эпохами. Его настоящее ежечасно творит себя заново, отбрасывая достижения прошлого и бросая вызов будущему»²⁰.

Древне-новый Ереван где-то посередине между этими двумя великими городами – не так историчен, как Рим, не так остросовременен, как Нью-Йорк. И, возможно, его путь – в культивировании его срединности. Иными словами, тех самых целостности, уюта, аутентичности повседневной среды, того, что тепло называют здесь «малым центром». А глубина истории и смелость модерна могут лишь оттенять это средовое ядро города.

< Рис. 15. Подъем в Конд с ул. Лео. Сохранившаяся мостовая. Фото автора, 2011

^ Рис. 16. Районы Конд (Ереван), Ичери Шехер (Баку), Альфама (Лиссабон) в одном масштабе на космоснимках Google

22. Александропулос М. Путешествие в Армению. М. : ЮниПресс СК, 2008. С. 29.

23. Серто М. де. Призраки в городе. С. 109.

в Рис. 17. Кондовцы и их среда. Фото автора, 2011.

Конд: «очаг сопротивления»

Вот так – не сразу, не напрямую – пришел я в это загадочное место, игнорируемое большинством интеллигентных ереванцев²¹. Встречаемое поначалу в немногих блогах туристов, в редких фотографиях в Интернете. Но, живя в городе, ты постепенно понимаешь, что уже не можешь обойтись без его посещения. И тебя туда тянет. Все сильнее. Северный проспект привел в Конд. Надо лишь найти лестницу или крутой переулоч, взбегающий вверх от улиц Сарьяна, Лео, Пароняна. Взойти. И оказаться в другом мире.

Здесь можно часами бродить, наслаждаясь паттерном «естественной» планировки. Кривые улицы, витые переулочки, щели проходов, упирающиеся в уютные дворики, тупики, щербатые лестницы. Лабиринт. Сравним с бакинским Ичери Шехер, с лиссабонской Альфамой. И ощущение – из-за почти 100-процентной подлинности среды – больше похоже как раз на лиссабонское.

Здания бедны, многие скроены из подручных, самых дешевых материалов (как рассказал мне архитектор Т. Погосян, по когда-то установленному порядку прописки нужно было показать, что у тебя есть дом, в котором ты живешь. Вот многие дома Конда и слеплены за одну ночь. Так и стоят).

Но зато это – полностью самоорганизованная среда. Человечная. Рукодельная. Постоянно дарящая ощущение контакта, плотных соседских (часто родственных) связей, которые существуют там между обитателями. И даже случайного тебя из этого контактного поля не «выжмает», оно скорей приглашает – зайти, посмотреть, поговорить. (Так чаще всего происходит и в других анклавах среды старого Еревана.) Так говорил с одной из квартирных хозяек во дворе старой персидской мечети. Она знает ее историю, идущую с 1740 года, и участвует в современной жизни: строит отдельный санблок для маленьких внуков, которые скоро вернуться из кризисной Белоруссии.

Используя образ Мицоса Александропулоса, можно сказать, что жители Конда за много веков «как бы создали «хачкар», ухитрившись заселить небольшое пространство кучей удивительных вещей и событий...»²².

Мишель де Серто говорил о таких явлениях, как Конд, как об «очажках сопротивления» упрямого прошлого: «Они торчат посреди модернистского, массивного, гомогенного города, как кончики языка, который показывает вам неизвестное, а возможно, и неосознанное. Они удивляют»²³.

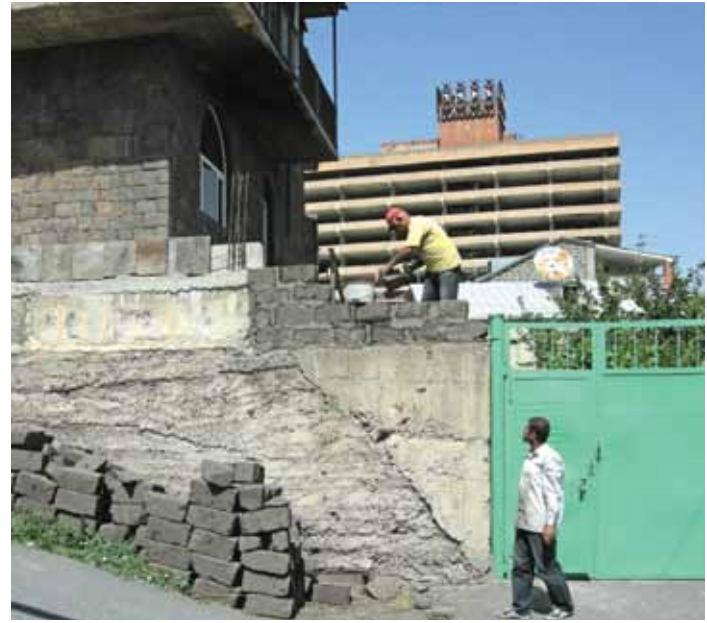
Ну а многие жители Конда, с кем мне удалось поговорить, хотят в нем жить:

- Кто-то (называют конкретно, кто) здесь уже все купил, вот ждем, что снесут нас и квартиры дадут.
- Но тут же лучше, чем в квартире, разве не так?
- О, да! Разрешили бы – мы бы сами тут все сделали, привели бы в порядок...

Не знаю, о Конде ли писал Андрей Битов в «Уроках Армении»: «Вот уж – «здесь жили люди!» <...> Жили, любили, рожали, болели, умирали, рождались, росли, старели... Кто-то штукатурил стену, кто-то выносил треногий лишний в домике стол, кто-то посадил цветочки, кто-то разрушил сарай и расчистил площадку, а кто-то построил рядом курятник. Двор рос, как дерево – отмирали старые ветви, выростали новые тупички, – а у дерева не бывает несовершенного расположения ветвей, хотя где гуще, где реже, где криво, а где обломано, но – дерево! В кроне чирикают дети, подпирают ствол влюбленные, и бабка черная, согнувшись, возится у корней – растопляет печку, поднимет щепочку и уронит. Перспектива поколений, каждый двор как генеалогическое дерево...» – но образ Конда и подобных ему мест-хачкаров передан здесь очень точно.

Документальный фильм Арутюна Хачатряна «Конд»

24. Я приведу лишь одну цитату некоего Карена Микаэляна, относящуюся к 2009 году: «В центральной части столицы, в целом уже застроенной и благоустроенной, уцелело еще несколько локальных территорий ветхой застройки, прямо-таки молящих о ликвидации. Прежде всего Конд, о котором говорили несколько советских десятилетий, но тем не менее не торопились тревожить этот муравейник. Задача усугублялась с каждым годом, наконец час пробил. <...> Определился единый застройщик, что очень поможет эффективно реализовать будущий проект. «Сейчас идет интенсивная работа над проектными разработками, – продолжает С. Даниелян (в 2009 году главный архитектор Еревана. – А. И.). – Их проводит французское архитектурное бюро AS. <...> Мне кажется, в итоге мы получим очень живописный и красивый квартал» (<http://analitika.at.ua/news/2009-01-15-5413>). Изображения этого проекта вызывают, честно говоря, оторопь.

25. См.: <http://icomos.org.ge/betlemi/index.htm>.

(1987) был во многом построен на контрасте восприятия этого района изнутри и с балконов нависшей над ним высотной интуристовской гостиницы. Сегодня модернистский «Двин», некогда Большой и Сильный, безжизнен и, возможно, будет снесен, а Конд стоит и живет... Что устойчивей?

Можно ли переломить ситуацию и что именно надо делать?

При возможной реабилитации Конда используемые сегодня в Ереване подходы к формированию среды нужно поменять полностью. Методы создания СП приведут к утрате уникального (для Еревана, Армении, Южного Кавказа) градостроительного образования, урочища, чудом сохранившего в центре города-миллионника подлинность, аутентичность, атмосферу старой самоорганизованной среды²⁴. Подлинного города. С натуральной, не музейной жизнью и мощным – благодаря именно ей, а не возможной имитации Place du Tertre – туристическим потенциалом. Но главное – с потенциалом человеческим. Люди, привыкшие к самоорганизации, в принципе готовы к участию в продуманном проекте реабилитации их среды. Думает ли об этом кто-нибудь в Ереване? Мир полон успешными реализациями таких проектов, и ближайший пример – начавшееся возрождение квартала Бетлеми в старом Тбилиси²⁵.

Использование в Конде градостроительной парадиг-

мы, породившей СП, убьет его. Северный проспект ведет в Конд?

Скорее всего, уместный для Конда (как, впрочем, и для всех подлинных остатков старого Еревана) подход может быть близок тому, о котором писал де Серто еще в 1983 году:

«Новая реновация дистанцируется от образовательных и регулируемых государством концепций, призывающих к защите сокровищ «в интересах общественности». Она более заинтересована в рядовом жилище, чем в исторических памятниках; в поверхностной историчности локальных общин, чем в национальной легитимности; в «коллажах», возникших в результате успешного вторичного использования одних и тех же зданий, чем в остатках четко выделенных, привилегированных культурных эпох... Новая реновация, как и старая, по-прежнему пытается «сохранить» вещи, но теперь в компетенцию реновации входит и состав мусора, который невозможно объяснить в рамках педагогической линейности или вместить в идеологию справочников, – он распространяется по всему городу, как следы пришельцев из других миров»²⁶.

И тому, к которому призывала Дж. Джекобс: «Чтобы избавиться от трущоб, мы должны рассматривать их жителей как людей, способных сознавать свои интересы и действовать в направлении их реализации, какими они, несомненно, являются. Мы должны распознавать, уважать и использовать как основу те силы

< Рис. 18. Конд. Остатки персидской мечети, переделанные в квартиру. Фото автора, 2011.

< Рис. 19. Конд. Новый частный дом и гостиница «Двин» (арх. Ф. Акопян, А. Алексанян, Э. Сафарян, 1978). Фото автора, 2011

< v Рис. 20. Конд. Жизнь во дворах. Фото автора, 2011

< v Рис. 21. Градостроительный конкурс на застройку района Конд. Проектное предложение AS.Architecture-Studio, Франция, 2008

> Рис. 22. Конд. В перспективе – башня мэрии Еревана (арх. Дж. Торосян, 1986–2004). Фото автора, 2011

возрождения, что существуют в самих трущобах и очевидным образом действуют в реальных городах»¹⁷.

И если А. Битов, заставший в конце 60-х целые улицы подлинного старого Еревана, поражен был их странной прелести, словно сам себе не верил: «Никакой исторической и архитектурной ценности ни эта улица, ни эти дворы не имеют. Она будет снесена, и тут встанут новые, удобные во всех отношениях здания, в них поселятся люди, они будут любить, рожать и умирать, страдать и радоваться. Но не знаю, будут ли через сто лет эти стены настолько же прогреты теплом и любовью, жизнью и смертью, чтобы, только свернув за угол и ступив первый шаг, ощутить такое же родство и счастье, как сейчас на этой глиняной невнятной улочке?.. Или все отразится от матовых и блестящих, ровных и плоских плоскостей?..» – то нам-то сегодня, обремененным опытом бесчисленных, безвозвратных средовых утрат, но чудом унаследовавшим сохранившиеся, неснесенные остатки того города, пора их действительные ценности осознать и начать сохранять осознанно.

И прежде всего стоит попробовать перестроить отношение ереванцев к этому месту: оно должно начать восприниматься как одна из главных ценностей Еревана. Природа его ценности отлична от привычных «знаковых» моноценностей этого города. Это ценность устроенной, обжитой повседневной исторической среды, срединности, вернакулярности, «семейности», шрджапата²⁸, диалога. И если такие «горизонтальные», «низовые» (grass root) ценности получают достойное материальное воплощение, дополняют вертикаль мемориала Геноцида армян на соседнем холме Цицернакаберд, город от этого только выиграет.

На прошедшей в Ереване в ноябре 2011 года Международной конференции Development Perspectives and Preservation of the Intellectual Heritage of Architecture and Urban Construction я выдвинул несколько важных, на мой взгляд, тезисов о необходимости предпринять интеллектуальные усилия по СОЗДАНИЮ НАСЛЕДИЯ²⁹ Еревана:

– необходимо новое, комплексное понимание Еревана как исторического города, разделяемое всеми субъектами градостроительной деятельности (власти, бизнес, общество, профессионалы, активные горожане), смена вектора их отношения в направлении городу – и к глубине собственной истории и многослойному настоящему, и к миру, где накоплено много примеров успешного, не противоречащего развитию сохранения наследия;

– нужна разработка стратегии и комплексной программы сохранения градостроительного наследия Еревана. Историческую городскую среду надо рассматривать системно – в комплексе всех ее материальных и нематериальных слоев, субъектов и ценностных составляющих (включая дух места);

– процесс сохранения градостроительного наследия Еревана, с учетом специфики этого города, должен складываться из нескольких составляющих:

– признание множественности, разнообразия, гетерогенности среды города, актуализация забытых, утрачиваемых, неярких, тонких слоев наследия;

– использование управленческих инноваций и технологий, облегчающих и стимулирующих жизнь в наследии;

– безусловные осмысление, защита, отстаивание, укрепление основных ценностей «интеллектуального» градостроительного наследия.

При таком понимании ответ на вопрос: «Возможно ли сохранить старый Ереван в целом и отдельные его урочища (Конд), сделать их жемчужинами Еревана?» – мог бы звучать однозначно: «Да!»

О том, окажутся ли эти идеи востребованы местным сообществом, что происходит сейчас внутри той его части, которая озабочена проблемами сохранения и развития Еревана, что делается в Конде, на Северном проспекте и рядом с ними, читайте во второй части статьи в одном из следующих номеров журнала. Как бы то ни было, представляется, что подобный подход к наследию был бы полезен и для российских исторических городов.

26. Серто М. де. Призраки в городе. С. 111.

27. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. С. 283.

28. Шрджапат (в буквальном переводе с армянского – «окружение») – понятие, лежащее в основе социальной жизни армянина. Это широкий круг родственников, друзей, близких и дальних знакомых человека, с которыми он поддерживает или может поддерживать личные неформальные, доброжелательные и взаимоуважительные отношения (см., напр.: Лурье С., Давтян А. Ереванская цивилизация (Новая армянская культура сложилась в советские годы) // <http://svlourie.narod.ru/>).

29. Концепция «создания наследия» как процесса признания культурной ценностью материальных реликтов прошлого выдвинута Ж.-М.Леньё (Jean-Michel Leniaud) в 1992 г. (см.: Ченайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: ЕГУ, 2010. С.18). С тех пор понимание культурного наследия существенно расширилось в направлении включения различных нематериальных, символических ценностей.